

Глава 1

*Едва наши взгляды сталкиваются,
у меня останавливается сердце.*

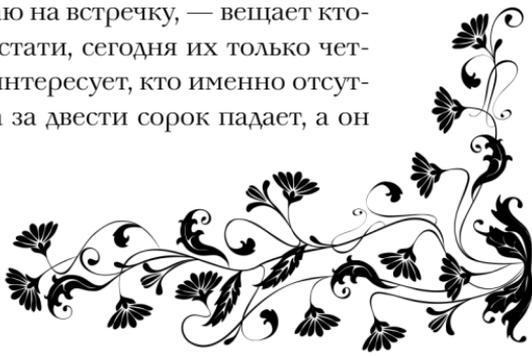
Лиза Богданова

— Тот парень смотрит на тебя, — самым невозмутимым тоном сообщает моя младшая сестра Соня, скашивая взгляд в сторону местной элиты.

Их, конечно же, трудно не заметить. Эта часть парковки принадлежит исключительно им. Они даже дымят сигаретами прямо около своих тачек, хотя для всех остальных студентов существует четкий перечень мест для курения и система штрафов за нарушение этого правила. Они ведут оживленные малосодержательные разговоры и нередко крайне громко смеются. Они излучают флюиды уверенности и власти. Они выглядят как беспредельщики.

Те заслуги, что все они баскетболисты сборной академии, а также неоднократно брали чемпионство в киберспорте, по определенным причинам вспоминаются многим позже.

— Давлю на газ и вылетаю на встречу, — вещает кто-то из «звездной пятерки». Кстати, сегодня их только четверо. Но меня, конечно, не интересует, кто именно отсутствует и почему. — Стрелка за двести сорок падает, а он не сливается. Тоже давит!

— Что такое двести сорок, Тоха? Кого ты этим удивить хотел? — поддерживает его товарищ.

Он ведь не может говорить серьезно? В любом случае я их за такую беспечность и бахвальство яро осуждаю.

— Да Филя, слушай ты дальше!

Таращиться прямо на них, конечно же, никогда не рискую. Я ведь не Сонька. Но периферийно всегда замечаю. Невозможно не заметить. Едва оказываюсь рядом, меня будто мощнейшей энергетической волной накрывает.

Я стараюсь сохранять равнодушный вид. Но внутри, как и всегда, горячая смесь самых разных эмоций выстреливает. Щеки опалает жаром. По спине и плечам проносятся озноб.

Трудно объяснить причины, но я их побаиваюсь.

«Скорей бы преодолеть этот участок», — нервно стучит в голове.

— Смо-о-трит, — шипит Сонька, когда мы почти равняемся с элитой. — Неотрывно.

Я не должна поворачиваться. Следует просто проигнорировать. Однако случается какой-то вселенский сбой, и я, обычно нерешительная и стеснительная, поднимаю гуляющий по тротуару взгляд и направляю его прямо на парней. В ту же секунду стопорюсь на том самом, который смотрит на меня. Нет, беглая оценка приносит понимание, поглядывают и другие. Но именно этот парень впивается прямо-таки прицельно.

Едва наши взгляды сталкиваются, у меня останавливается сердце.

Все вокруг застывает, даже звуки пропадают. Озноб сменяется волной одуряющего жара. Она пронесется по телу стремительно и хватко. Проникает под кожу, пробивает ток мышцы и уже в них разливается, словно нейротоксин.

Эти ощущения шокирую и пугают. Но перестать смотреть в темные бурлящие омуты его глаз оказывается сложно. Затягивает. Очень сильно и стремительно затягивает.

Что это? Что происходит?

Лишь когда в груди образуется острая нехватка кислорода, вздрагиваю и резко увожу взгляд. Совершаю бурный вдох.

Прихожу в себя крайне медленно.

Сердцебиение выравнивается. Легочная вентиляция нормализуется. Кровообращение замедляется. Мимолетное опасение, что циркулирую я не плазму, а чистый огонь, стирается. Однако потряхивает меня вполне ощутимо, до самого корпуса.

Он смотрит вслед. Чувствую это.

Зачем?

Шагаем с Соней без остановок, будто существует вероятность, что кто-то из «звездной пятерки» бросится за нами следом и... сделает что-то плохое.

— Что это было? — лезет Соня с расспросами, едва оказываемся в фойе.

Только сейчас понимаю, что она секунд сорок была лишена дара речи. А для нее, поверьте, это все равно, что клиническая смерть. Рот не закрывается даже во сне.

— Что? — якобы спокойно отзываюсь я.

— Ты... Ты словно на оголенный высоковольтный кабель наступила!

— Когда? — делаю вид, что не понимаю, о чем вещает младшая.

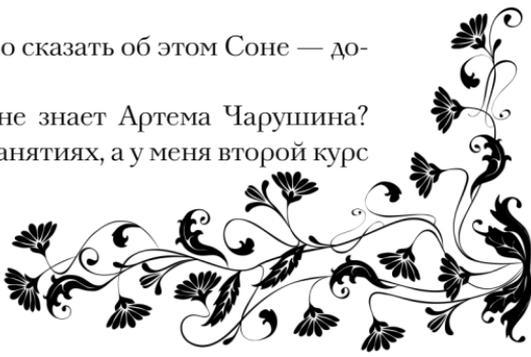
Благо необходимость разойтись по сторонам в переполненном студентами коридоре дает мне небольшую передышку.

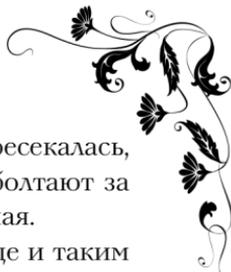
— Лиза! — шепотом кричит, когда в следующий раз удастся вцепиться в мою руку. — Ты его знаешь? Расскажи мне! Все мне расскажи.

— Нет, я его не знаю, — с неизменным спокойствием отвечаю я.

Заочно, конечно, знаю. Но сказать об этом Соне — домыслов не оберешься.

Кто в нашей академии не знает Артема Чарушина? Это сестра первый день на занятиях, а у меня второй курс

начинается. С элитой я лично никогда не пересекалась, однако не знать их нереально. Я хоть и, как болтают за спиной, «тихоня», но все же не глухая и не слепая.

Зачем же Чарушин смотрел на меня? Да еще и таким образом... Нет, ничего вызывающего он вроде как не сделал. Но его глаза... Я увидела в них грех.

«Ничего более», — старательно убеждаю себя.

«Сейчас такая молодежь... Пусть бог милует», — вспоминаю мамини нередкие вздохи.

— Ты ему нравишься, — продолжает донимать меня Соня.

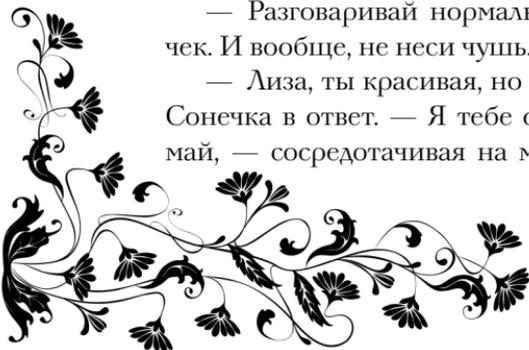
Понимаю, что она просто болтает. Не хочу реагировать, но в груди что-то до ломоты сжимается, а внизу живота собирается какой-то горячий сгусток и принимается там дробно и безостановочно пульсировать.

— Глупости, — отрезаю строго, как и должна звучать старшая сестра. Хватая ее за руку, волочу по коридору, словно шкодливого ребенка. Как ни стыдно признавать, хочу от нее быстрее избавиться. — Эти книжечки, которые ты тайком ото всех читаешь, свернули твои мозги в омлет, — отчитываю на ходу.

— Что? Елизавета! Попрошу не путать божий дар с яичницей. У меня, между прочим, благодаря этим книжечкам какой-никакой опыт собрался, — заявляет моя восемнадцатилетняя сестра, как всегда, весьма самоуверенно. Сколько раз мама проводила с ней беседы, чтобы сбить эту спесь! Только, похоже, ничего и близко не работает. Как только мы останавливаемся у двери нужной аудитории, Соня, невзирая на мой укоризненный взгляд, продолжает настаивать: — Да-да-да! Я могу тебе помочь. Подсказать пару фишечек.

— Разговаривай нормально, пожалуйста. Без фишечек. И вообще, не носи чушь.

— Лиза, ты красивая, но очень скучная, — тарбанит Сонечка в ответ. — Я тебе одну вещь скажу, а ты подумай, — сосредотачивая на мне показательно-серьезный

взгляд, выделяет слова внушительными паузами. — Тебе он тоже понравился.

Мне на голову будто потолок падает. Контузит мгновенно и надолго. Даже вдохнуть не сразу могу. Щеки предательски вспыхивают.

— Соня, не мели ерунду!

Не люблю ее ругать, но в этот миг ничего другого в голову не приходит. Я попросту не знаю, как иначе справиться со своим волнением.

Впрочем, сестра не обижается.

— Тебе девятнадцать лет, моя дорогая, — тарыхтит дальше. — Неужели Павел — предел твоих мечтаний?

— А при чем здесь Павел? М?

— А то ты сама не понимаешь, что папа спит и видит выдать тебя за него замуж, как только этот перезревший вялый персик решится сделать предложение?

Как ты разговариваешь?! — шикаю, не сдержав возмущения.

— Вот! — эта маленькая вездесущая зараза берет и демонстративно крестится. — Так прислушаешься? Или подождешь, пока озвученное воплотится в реальность, а все твои мечты по геймдизайнингу канут в Лету?

— Немедленно прекрати паясничать, София, — строго одергиваю, а у самой дыхание перехватывает. — Мигом забудь всю эту чушь и зайди в свою аудиторию.

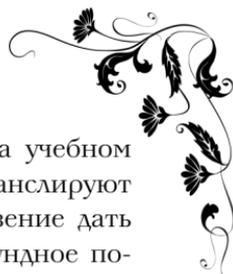
Сестра демонстративно вздыхает.

— Окей, — соглашается достаточно легко. — Молчу, — закрывает рот воображаемой молнией. — Главное, ты не забывай! Подумай, — бросает и вбегает в лекционный зал.

Черт возьми...

Так и знала, что с ней хлопот не оберусь. В прошлом году так хорошо и спокойно было. Но, естественно, никуда дальше академгородка папа эту егозу не выпустил бы, поэтому имеем то, что имеем. Придется набраться терпения.

Весь день стараюсь концентрироваться на учебном материале. Дотошно конспектирую все, что транслируют преподаватели. Однако стоит лишь на мгновение дать слабину — всплывает в голове утреннее секундное помешательство. Забывает собой сознание и подсознание. Воскрешает ураган каких-то странных эмоций.

Что за напасть?

Боже... Пусть пройдет скорее.

Я просто ненароком взглянула на него. А он, очевидно, смотрит так на всех. Ничего страшного не произошло. Зацикливаюсь лишь я. Хотя не должна.

Более-менее успокоиться получается лишь к концу дня. Но, боюсь, и это результат не моего благоразумия. Просто после изматывающего практического занятия голова гудит. Отказывается принимать, анализировать и производить хоть что-то. Конкретный перегруз на сегодня.

Жду Соню, как и договорились, у стенда с расписанием. Нужно еще по нему дополнительно инструктаж провести. Только вот сестры все нет и нет. Десять минут назад написала, что выходит из аудитории. Где потерялась?

С нарастающим беспокойством рыскаю по фойе взглядом. А когда, наконец, замечаю сестру, едва сознание не теряю.

Она не одна. С Чарушиным.

И идут они прямым ко мне.

По моей донельзя напряженной спине сбегает горячая волна. В груди какой-то безумный вихрь взлетает. Руки потеют и начинают дрожать.

Глаза в глаза.

Новая остановка сердца.

Глава 2

Странные... Очень странные ощущения...

Лиза Богданова

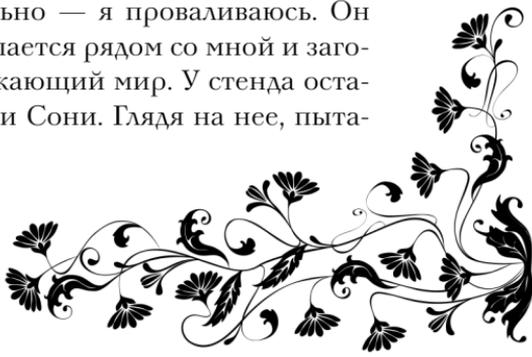
Я не могу разорвать этот контакт. Он словно физически меня удерживает. И все время, что сохраняется эта связь, передает какие-то электромагнитные волны. От них меня и трясет, и в жар бросает. Только этому, определенно, не найти никакого научного объяснения. В этом есть какая-то магия.

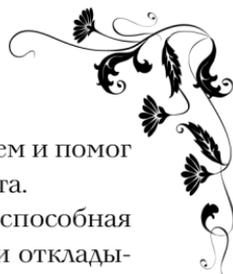
Чарушин... Чара — так зовут его все... Зачаровывает.

Когда он оказывается рядом, мое внутреннее напряжение достигает пика, и веки, исполняя спасительное пике, сами собой закрываются. Мгновение, чтобы шумно перевести дыхание и врезаться строгим взглядом в довольное личико моей невыносимой младшей сестры.

— Ты пятнадцать минут спускалась со второго этажа?

Пытаюсь, как обычно, полностью игнорировать парня, но с Чарушиным это дается с огромным трудом. Если не признать изначально — я проваливаюсь. Он слишком большой. Возвышается рядом со мной и загораживает собой весь окружающий мир. У стенда остается место лишь для меня и Сони. Глядя на нее, пытаюсь вникать в слова:

— Я заблудилась! Слава богу, появился Артем и помог мне выбраться из этого смертельного лабиринта.

Я чувствую тепло его тела, его запах. Неспособная к своевременному анализу, все это впитываю и откладываю в потаенных глубинах памяти. Я не собираюсь расщеплять и угадывать все ноты его парфюма. Он просто... Он сражает меня, как какая-то волшебная смесь. Захватывает и дурманит.

— Лиза? — окликает меня сестра.

И только тогда я осознаю, что слишком долго молчу. Смотрю на нее, но никак не реагирую на сказанное. Все потому, что я, черт возьми, всеми точками восприятия настроена на Чарушина.

— Понятно, — отзываюсь практически шепотом. — Пойдем тогда скорей, а то мама будет волноваться.

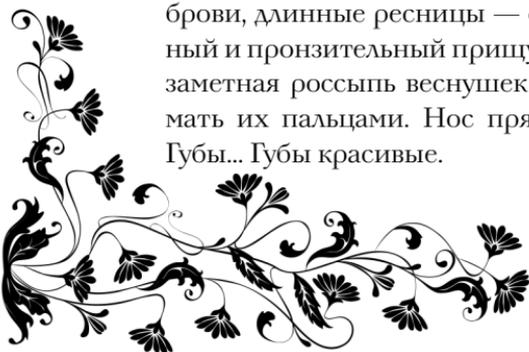
Беру ее за руку и хочу обойти Чарушина. Однако он в этот же момент совершает движение в сторону и преграждает мне путь. Едва не врезавшись в него, торможу и неосознанно поднимаю взгляд.

Дыхание резко перехватывает.

А может, мне просто приходится его задерживать, как всегда, когда меня накрывает морская волна. И не видеть бы мне ничего... Но я смотрю в его глаза и падаю прямо в эту темноту.

Странные... Очень странные ощущения... Все в нем для меня какое-то отличительное, уникальное и особенное. Все в нем другое, настолько, будто инопланетное. Ни на кого не похож. И вместе с тем кажется, будто не просто знакомо лично моей душе... Родное.

Черные волосы, бритые на висках почти под ноль, но беспорядочно торчат на макушке. Темные глаза, густые брови, длинные ресницы — формируют тот самый опасный и пронзительный прищур. Кожа смуглая, по ней едва заметная россыпь веснушек — возникает желание поймать их пальцами. Нос прямой, подбородок широкий. Губы... Губы красивые.

Изучаю его неумышленно. Просто смотрю, и все это проносится в голове, как ураган. Собственные мысли шокируют меня больше, чем то, что сам парень так же молча рассматривает меня. Не пытается что-то сказать, хотя обычно люди для этого инициируют какие-то контакты.

Что ему от нас нужно?

Тряхнув головой, решительно скидываю проклятый морок и делаю новую попытку его обойти. Но Чарушин просто повторно синхронизирует все мои движения. В итоге замираем в том же положении.

Смотреть в его глаза — вечная попытка?

— Что-то не так? — тихо выдыхаю я.

Чтобы вы понимали, он едва ли не первый парень в академии, с которым я заговорила. Вынужденно.

— Ты не поблагодарила меня, — предъявляет Чарушин.

Я... Я моргаю и пытаюсь определить, с каким посылом он отправил это уведомление. Вот только новый всполох жара, который вызывает его голос, лишает меня остатков концентрации.

Я просто не понимаю, что ему надо.

— Уверена, что это сделала моя сестра, — сухо отвечаю я.

— Так и было, — невозмутимо подтверждает он.

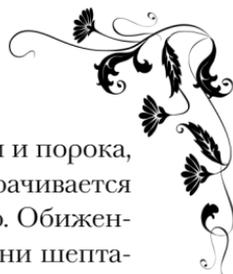
И продолжает смотреть.

— Отлично... — растерянно выговариваю я. — Раз мы это выяснили, дай пройти. Мы спешим.

— Я могу подвезти.

Отчего-то мои щеки вспыхивают. Не знаю, что служит основной тому причиной. Его внимание, конкретно это предложение или то, что за этим на самом деле стоит. Повторюсь, я, может, и тихоня, но не слепая и не глухая. Прекрасно знаю, с какой целью парни, конкретно наша «звездная пятерка», делают девушкам подобные предложения. Знаю и то, чем все это заканчивается.

Как бы родители нас ни ограждали от грязи и порока, стоит заметить, в академии порой все разворачивается так же подробно и пошло, как в дешевом кино. Обиженных лично Чарой девушек я видела немало. Они шептались и даже нередко плакались по закоулкам, что мечтали об отношениях с ним, но все закончилось после первой же близости.

— Нет, не можешь.

Мне кажется, что мой голос достаточно твердо и уверенно звучит. Только вот на Чарушина ни сами слова, ни тон нужного эффекта не производят.

— Почему? — прямо спрашивает он.

— Потому что мы не хотим.

Несколько секунд Чарушин выглядит удивленным. Ну, конечно! Не привык к отказам. Кажется, этих нескольких секунд достаточно, чтобы мы спокойно сбежали. Но именно в это мгновение чудом все это время молчавшая Соня решает вмешаться.

— Мы хотим, — заявляет, перетягивая внимание Чарушина на себя и сражая его улыбкой. — Лиза просто стесняется. Она дикарка. А еще у нас строгие родители. Лиза не может сесть в твою машину. И ты не можешь к нам приезжать, — выдает совершенно лишнюю информацию. У меня попросту отвисает челюсть. Успеваю пихнуть ее в бок, как она тараторит: — Но ты можешь написать Лизе в Лайфграм¹. Ее имя на латинице, в середине нижнее подчеркивание и две «з». Запомнишь?

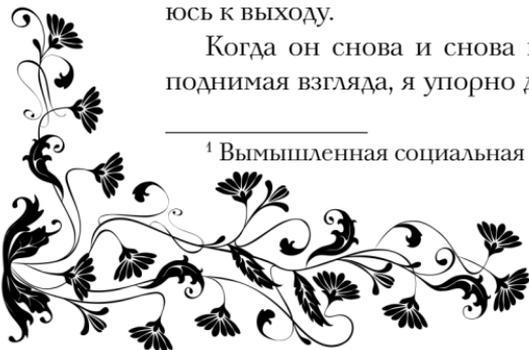
— Прекрати, — шиплю я.

— Запомню, — отзывается Чарушин.

Я на него больше не смотрю. Решительно продвигаюсь к выходу.

Когда он снова и снова преграждает нам дорогу, не поднимая взгляда, я упорно двигаюсь в сторону. В конеч-

¹ Вымышленная социальная сеть.

ном итоге Чарушин останавливается, и мы вырываемся из этого странного плена.

— Совсем с ума сошла? — отчитываю Соню по дороге. — Ни капли благоразумия не осталось? Новые впечатления все затмили?

— Что я такого сделала? — искренне недоумевает сестра. — Ты нравишься ему, он нравится тебе...

— Да не нравлюсь я ему, — резко обрываю я ее.

— Ну, я же видела!

— Соня, — останавливаю ее. Задвигая свои личные эмоции, выдаю очень серьезным тоном: — Бойко, Чарушин, Фильфиневич, Шатохин и Георгиев — элита академии. «Звездная пятерка» еще говорят. Но на самом деле скандальная банда. Беспредельщики. И с девушками они поступают очень-очень плохо! Запомни это и никогда-никогда больше ни к одному из них не подходи.

Вероятно, звучу я все-таки убедительно. Соня притихает. До самого дома молчит. Мне бы успокоиться и порадоваться. Только у самой в голове какое-то безумие творится. Пока помогаю маме с ужином, ем,

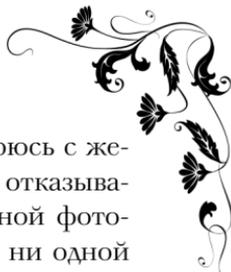
пишу конспект, подготавливаю доклад и принимаю душ — все время прокручиваю сегодняшний день. Не весь, на беду. Лишь те моменты, в которых присутствовал Чарушин. Он будто в каждой моей мысли поселился. В каждой. Ни одной чистой и отстраненной не удастся сгенерировать. С интегралами он, с файлами конфигурации он, в политических режимах он... Не могу заглушить.

Но пик волнения наступает перед сном. По привычке открываю Лайфграм и обмираю, когда вижу Чарушина среди новых подписчиков.

Сердце разгоняется точно так же, как днем. Понимаю, что это ничего не значит. Я одна. Он меня не видит. И никакого влияния на меня оказывать не должен. Но, боже мой, меня буквально трясет.

Елена Шодерова

Глубоко вдыхаю и отрывисто выдыхаю. Борюсь с желанием открыть его профиль. Зато он себе не отказывает — летят лайки. На все опубликованные мной фотографии. Их не так много, и, как мне кажется, ни одной интересной, но сам факт.

А потом... Прилетает сообщение.

Глава 3

Рядом с ним я попросту схожу с ума.

Лиза Богданова

«Если я приеду, выйти сможешь?»

Десять часов прошло, а у меня до сих пор в груди все сжимается и пылает. Стоит лишь воскресить эту строчку! Ох, по-честному, воскрешать ее нет необходимости. Она сама сидит в моем сознании непрерывно. Как я ни пытаюсь стереть и забыть. Чарушина я заблокировала сразу же, а вот воспоминания о нем — никак не удаются.

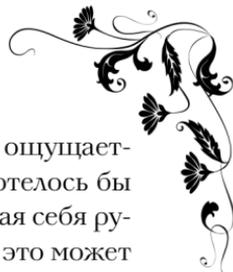
Чтобы я к нему вышла? Я? К нему? Да как он смеет!

Что у него за воспитание? Какая наглость! Ведь мы, по сути, даже не знакомы. Я не давала повода. Не давала же?.. Так чего он ко мне привязался? Что за напасть?!

Чарушин просто развлекается, а я ночь не спала. Он внутри меня произвел переворот и даже не понимает этого. Хорошо, что не понимает! Ведь для него все это — обычная игра. А для меня может обернуться катастрофой. Мне его внимание способно разрушить жизнь.

Трясет. С каждым шагом все сильнее. Трескотни Сони не замечаю. Она в очередной раз пересказывает мне сюжет какой-то странной книжечки, на которую убила ночь. Не реагирую, даже когда она принимается в красках описывать поцелуй героев. Нет сил ругать ее.

— Как думаешь, все это правда так классно ощущается? Я вот читаю и горю вместе с Лорой! Так хотелось бы на ее месте оказаться! М-м-м... Боже... — обнимая себя руками, зажмуривается и раскачивается. — Разве это может быть плохо? Я хочу, чтобы меня целовали. А ты? Лиза! Ну, неужели ты никогда не думаешь о парнях? Лиза!

— Соня, отстань, — все, что я способна ей ответить.

— Ты думаешь про своего Артема? Хочешь, чтобы он тебя поцеловал? Мне кажется, он хочет тебя целовать. Это так... Так прекрасно!

Передо мной словно стена вырастает. Я в нее не просто врезаюсь. Разбиваюсь. Внутри все разрывается. Растекается густой раскаленной массой.

А Сонечка даже не сразу замечает, что я остановилась. По инерции еще несколько шагов делает. Только потом оборачивается. Длинная плиссированная юбка — один в один, как моя — раздувается на ветру куполом. Темно-синей свободной блузке тоже достается. Соня в облаке этой объемной одежды теряется. Становится такой маленькой, сердце сжимается.

А я еще ругать ее принимаюсь — по-другому не получается справиться.

— Что ты снова несешь? Прекрати. Забудь. Все эти сказочки только в книжках бывают. Не смей их читать, иначе мне придется рассказать все маме.

— Не рассказывай, пожалуйста, — Сонька едва не плачет. И боится явно не наказания. Подсела она на эту фальшивую литературу настолько, что каждый раз, как отбираю какой-то романчик, плачет. — Я без этих книг двинусь!

— А по-моему, ты уже двинулась.

— Ну и пусть! У меня, может, одна радость в жизни — чужие эмоции!

— Ты что такое говоришь, родная? Одна радость! Чем это тебя твоя жизнь не устраивает?

— Всем! — шепчет выразительно, будто кричит.

